

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

УДК 325.327.2

А. И. Пылева

КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ В СИАМЕ В XIX веке

В первой половине XIX столетия во Франции возрождается интерес к Королевству Сиам (с 1939 г. — Таиланд). Приезжающие в Сиам французские ученые и путешественники передают свои впечатления о стране в деловой и личной переписке, в путевых заметках и публицистических эссе для французских и международных периодических изданий (таких как «Revue des Deux Mondes», «Le Moniteur Universel», «Tour du Monde», «Bulletin de la Société de Géographie» и др.), а также в отдельных трудах (исследование Леона де Росни «О сиамском языке и сиамской письменности» (1855 г.); заметки Александра-Анри Муо о «Путешествии по Сиаму, Камбодже, Лаосу и другим странам Индокитая» (Париж, 1868) и др).

Не оставляла своим вниманием Сиам и римско-католическая церковь. В 1834 г. апостолическим викарием Сиамом становится Жан-Поль Курвези (Jean-Paul-Hilaire-Michel Courvezu, 1792–1857), а в 1840 г. на этом посту его сменяет епископ Жан-Батист Паллегуа (Jean-Baptiste Pallegoix, 1805–1862). Приезжающие в Сиам французские миссионеры публикуют свои наблюдения в специальных периодических изданиях («Annales de la Propagation de la Foi») и в отдельных исследованиях (письма епископа Капского Брюгьера, 1830 г.; «Описание Сиамского Королевства» Ж.-Б. Паллегуа (Париж, 1854 г.); работа Амеде Греана «Королевство Сиам» (Париж, 1868 г.)).

Следует отметить, что деятельность французских католических миссионеров на сиамских берегах имеет длительную и насыщенную драматическими событиями историю. Еще во второй половине XVII в. для пропаганды католицизма на Дальнем Востоке была создана особая организация — Общество Парижских иностранных миссий. Работа Общества оплачивалась из средств французской королевской казны и осуществлялась французскими миссионерами. Штаб-квартирой Общества на Дальнем Востоке стала древняя столица Сиам Аюття¹.

Пылева Анастасия Игоревна — аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет;
e-mail: pyleva_anastasiya@mail.ru

¹ Аюття — столица Сиам в 1350–1767 гг.

© А. И. Пылева, 2013

С помощью религиозной пропаганды, основным средством которой стали настойчивые попытки обращения в католическую веру сиамского правителя Нарая (годы правления 1657–1688), французами проводилась геополитическая стратегия, направленная на распространение и усиление влияния Франции не только в Сиаме, но и во всем регионе Юго-Восточной Азии. Однако после государственного переворота в 1688 г., изгнания французов и ухода других европейцев из Сиамы работа французских католических миссионеров в стране была приостановлена. В 1695 г. отделение Общества Парижских иностранных миссий в Аютии получило разрешение на возобновление своей деятельности. Правда, число миссионеров сократилось — из девятнадцати человек в Сиаме осталось только шесть, а в самой семинарии продолжило обучение всего пятнадцать учеников. Из 500–600 человек христиан в стране осталось 120, преимущественно из числа кохинхинцев и японцев [1]. В 1767 г., после захвата и сожжения Аютии бирманцами, генеральная семинария Общества покинула Сиам. Поскитавшись по Индии и Камбодже, на время обосновавшись в Пинанге в Малайзии, семинария вновь продолжила работу в Сиаме в 1792 г. (в Сампхране, неподалеку от Бангкока). Действительно, в XVIII в. католическое учение в целом расценивалось в Сиаме «как религия растленного Запада и потому совершенно антисиамская» [2, р. 126]. Резкое неприятие католичества со стороны сиамцев смягчилось лишь с постепенным открытием страны в XIX столетии.

Масштабные государственные реформы в Сиаме в середине — второй половине XIX в., европеизация королевского двора и армии, развитие отношений Королевства с европейскими и азиатскими государствами вызывали большой интерес французской стороны. Французский ученый и путешественник А.-А. Муо писал: «Король Монгкут² одел своих солдат на европейский манер; он приказал рыть каналы, возводить крепости, прокладывать дороги, строить корабли и пароходы; в Бангкоке основан Королевский печатный двор и провозглашена религиозная свобода для представителей решительно всех народов, живущих под властью сиамского монарха. <...> Новый королевский дворец убран в западном вкусе... в покоях можно видеть портреты европейских правителей и исторических деятелей... <...> Сам король Монгкут имеет образ и обыкновения величавого европейского монарха» [3, р. 143]. «С наступлением китайского нового года из портов Китая к сиамским берегам хлынули полсотни джонок, нагруженных различными товарами, а на борту джонок толпились тысячи эмигрантов, приехавших в Сиам попытать счастья и нажить состояние. <...> К середине столетия в Сиаме решительно все пришло в движение», — резюмировал епископ Ж.-Б. Паллегуа [3, р. 143].

По наблюдениям Паллегуа, французов привлекали сиамские «несметные богатства и изобилие, которыми могут воспользоваться не только местные жители, но еще хватит на четыре-пять кораблей, отплывающих в Китай» [3, р. 134]. О провинции Чантабури, например, рассказывали, будто там возвышаются груды драгоценных камней; для большей убедительности Паллегуа признавался: «Я сам нашел парочку на земле, чуть было не наступив на них» [3, р. 134].

Судя по географическим описаниям, Сиам казался французам истинным раем: «деревья в лесах отяжелели от обилия плодов; в реках, озерах и прудах водится много рыбы; а пары стеблей бамбука достаточно для того, чтобы выстроить целый

² Король Сиамы Рама IV Монгкут, годы правления 1851–1868.

дом. Сезонный разлив рек способствует небывалой плодородности земли. В этой стране человеку только и остается, что сеять да сажать, больше от него ничего не надобно, ибо всю работу делают лучи солнца; и сиамцу чужда необходимость в условиях и предметах роскоши, милых сердцу каждого европейца», — писал А.-А. Муо [3, р. 133]. Миссионер Шарль Лабарт уверял, что и половины природных богатств Сиам хватит, чтобы прокормить сиамский народ, а в долине реки Менам Чао Прая, где расположился Бангкок, производительность можно еще удвоить или даже утроить, и, проведя самые простые ирригационные работы, вполне реально собрать два урожая в год, вместо одного [3, р. 134]. Восхищаясь золочеными крышами храмов и пагод, Паллегуа утверждал, что в Сиаме золото примерно в той же цене, что железо или олово во Франции: «Здесь есть храмы, убранство которых можно оценить примерно в восемьдесят, а то и в сто центнеров драгоценного металла (что составляет более двух миллионов франков серебром)» [3, р. 135].

Миссионер Брюгьер называл столицу Сиам «Индийской Венецией», а миссионер Амеде Греан писал о Бангкоке: «Это город, в котором причудливо соседствуют здания самых разных стилей (индийский, китайский, европейский); где великое множество иностранцев, каждый из которых одет по обычаю своей страны; и кишачее население в пятьсот тысяч жителей; этот город — место, сколь необыкновенное, столь и привлекательное — полностью располагает к тому, чтобы путешественник остался доволен своим в нем пребыванием» [5, р. 21]. В описании интерьеров различных храмов фигурировали упоминания о богатых росписях, статуях Будды и листоватой позолоте — как в храме Борованивет, на который, по словам Муо, потребовалось 150 унций золота; говорилось о «настиле из серебра и об идоле, выполненном из цельного куска изумруда; этого идола местные англичане оценивают в двести тысяч пиастров (то есть приблизительно в один миллион франков)» [4, р. 79].

Французы уверяли, что во дворце короля Монгкута не счесть тайников, где хранятся сокровища короны: золото, серебро, драгоценные камни, ценнейшие ткани; а также конюшни, где содержат чудных скаковых лошадей; кладовые, в которых заключены всевозможные диковинки; Муо также упоминал павильон в итальянском стиле, полный безделушек и изящных вещиц немалой цены [3, р. 136]. Миссионер Дю Айи в своем эссе на страницах журнала «Обозрение Старого и Нового света» («*Revue des Deux Mondes*») подсчитывал расходы сиамской казны на содержание буддистских священнослужителей, монахов и строительство храмов, оценивая эту сумму в 10 миллионов франков [3, р. 135]. Паллегуа признавался: «Не знаю, найдется ли где-нибудь в мире другая такая щедрая страна, как Сиам», а Брюгьер называл Королевство «Садом Ост-Индии» [3, р. 134].

Можно заключить, что сиамская тема во французских трудах той поры была довольно популярна, вызвала большой научный интерес, а также обуславливалась потребностью в информационной подготовке французских властей, потенциально заинтересованных в развитии связей с Королевством, и частных лиц, готовых вложить во французские предприятия на сиамской земле личные денежные средства и оказать материальную поддержку французским католическим миссионерам.

Следует, однако, признать, что стремление французских миссионеров обратить сиамцев в католичество не отличалось той силой и вдохновением, с какими двумя столетиями ранее претворяли они в жизнь свои замыслы. Пропаганда католической религии в Сиаме уже, по-видимому, не могла рассматриваться в качестве действен-

ного средства укрепления французского политического и экономического влияния — в силу равнодушия сиамцев к католическому учению.

В большинстве своем французские миссионеры XIX в., «будучи под влиянием идеи превосходства европейской цивилизации и важности ее просветительской миссии, совершенно игнорировали тот факт, что местные жители имеют свою собственную религию и полноценную культуру» [1]. В то же время отец Клемансо, печатник Общества Парижских иностранных миссий, поощрял чтение миссионерами исследований Эжена Бюрнуфа³, дабы те могли «лучше понять буддистскую религию и эффективнее с ней бороться» [1]. Действительно, французские миссионеры размышляли о сущности сиамских верований, о влиянии на них брахманизма. Брюгьер считал, что основа сиамских верований «по сути та же, что у древних греков и римлян; та же доктрина бессмертия и вечной жизни, во всех пространствах и временах одновременно» [3, р. 149]. «Сиамцы поклоняются множеству богов, которых олицетворяют огромных размеров позолоченные идола», — писал он [3, р. 149]. Миссионер Пеко отмечал: «Они веруют, что на небе воздастся праведникам, а в аду будут наказаны грешники. Они ожидают благодати, которая снизойдет с небес на землю; их души, веруют они, живут в телах животных, сообразно значению и величию зверя: так, например, души праведных обретают физический облик голубя или соловья. Посему убийство живого существа в глазах сиамца — смертный грех» [3, р. 149]. С. Лаволле, автор эссе «Королевство Сиам и английское посольство в Бангкоке», опубликованного в «Обзрении Старого и Нового света», называл Будду «олицетворением всех возможных суеверий» [3, р. 152]. «Они говорят — не привязывайтесь к благам мира сего, потому что те ускользнут от вас, как бы вы не стремились их удержать; ничто в мире не принадлежит вам; даже ваша личность не ваша, ибо вы над ней не властны, ибо вы не можете сделать так, чтобы она оставалась в неизменном состоянии, коль скоро она беспрестанно меняет свою форму», — писал он [3, р. 150].

Веротерпимость сиамцев озадачивала французов: «Они (сиамцы. — А. П.) признают, что христианство включает в себе великие истины; но, говорят они, наставления и заповеди Будды достойны не меньшего восхищения, так к чему же тогда менять им веру? У каждой страны своя религия, и ничто не мешает сказать, что все религии одинаково хороши. Возьмем, к примеру, фрукты — они растут в разных широтах и разном климате, но могут иметь одинаковый вкус. Такие соображения объясняют веротерпимость сиамцев и то отвращение, которое они питают к самой идее принятия христианской религии», — отмечал Лаволле [3, р. 152–153]. Апостольский викарий в Сиаме епископ Флорен в 1827 г. писал руководителем Общества Парижских иностранных миссий: «Если вкратце объяснить, по какой причине попытки обратить сиамцев в христианство не имеют успеха, то можно с уверенностью сказать: сиамцы околдованы своими священниками. Если в Китае, Кохинхине и Тонкине на тех почти не обращают внимания, или же их там немного, то здесь они без устали сочиняют небылицы и одиозные сказки, направленные против христиан и католических святых отцов, тем самым отвращая местный народ от истинной веры» [3, р. 151]. Пеко на страницах издания «Хроника католической пропаганды» («*Annales de la Propagation de la Foi*») изъяснялся с большей прямоотой: «Приходится признать, что Сиам — самая неудачная из наших миссий. Характер народа грубый

³ Эжен Бюрнуф (Eugène Burnouf, 1801–1852) — выдающийся французский востоковед, иранист, исследователь буддизма.

и недалекий. Сиа́мцы подвержены влиянию местных монахов и священников, самых нелепых и злостных слуг, которых только дьявол мог послать на землю» [3, р. 151].

Интересно, каким образом Общество Парижских иностранных миссий характеризует итоги своей деятельности в Сиаме (Таиланде) с позиций сегодняшнего дня: «Можно констатировать, что Таиланд — так сказать, первая крестная дочь Общества Парижских иностранных миссий — дал христианской церкви немного детей; на данный момент их число составляет около 300 000 человек. Безусловно, неуспех нашей миссии объясним: некоторые причины кроются в характере отдельных исторических личностей, другие — в объективных исторических обстоятельствах. Отец Пьери говорил, что христианство слишком поздно пришло в эти земли; буддизм уже прочно занял место, ранее принадлежавшее традиционным верованиям. Но и в характере миссионерской деятельности нашлись свои изъяны:

- 1) Ошибочный подход к доктрине буддизма;
- 2) Заключение скоропалительных союзов с другими иностранными державами;
- 3) Раздробленность в самой христианской общине — как правило, по национальному признаку (противостояние португальцев и французов и т.д.).

Долгое время все это провоцировало разногласия внутри самой Церкви. Однако, несмотря на все трудности и препятствия, наша Церковь доказала, что является институтом мучеников и святых» [1].

В середине XIX столетия французское правительство предпринимает попытку обновить францу́зско-сиа́мские контакты. 14 июля 1852 г. командующий французской военной базой в Южно-Китайском море контр-адмирал Лягерр был уполномочен заключить договор о дружбе и торговом сотрудничестве с Королевством Сиам. 3 августа 1852 г. французский министр иностранных дел направил министру по делам колоний и мореплавания Дюко указания для контр-адмирала и предполагаемый текст францу́зско-сиа́мского договора. Дюко было предложено также написать своему уполномоченному, с просьбой «отложить все дела и скорее прибыть в Сиам, чтобы начать переговоры» [3, р. 158]. Однако министр мореплавания лишь передал Лягерру основные положения дипломатических обязанностей. Военные действия на Дальнем Востоке требовали участия Лягерра в качестве командующего французским флотом на Тихом океане, и новые полномочия были ему не ко времени. 22 февраля 1854 г. император Наполеон III (годы правления 1848–1852; 1852–1870) поручил представителю французов в Макао Бурбулону начать переговоры с Сиамом. При этом полномочия Лягерра так и не были отозваны.

Неотложность заключения Францией дипломатических связей с Королевством обуславливалась усилением британского влияния в Сиаме, что всерьез беспокоило французского министра иностранных дел в 1855–1860 гг. графа Александра Ф. де Валевски. 18 апреля 1855 г. в Бангкоке главой английской миссии Боурингом и королем Монгкутом был подписано соглашение, ставшее первым в истории Сиама неравноправным договором со времени открытия страны для европейцев. По данному договору подданные Великобритании получали в Сиаме право экстерриториальности, а налог на ввозимые английскими купцами товары отныне не должен был превышать 3% от стоимости. Ввоз опиума разрешался беспошлинно, а английские подданные могли арендовать и покупать землю в окрестностях Бангкока. В самой же столице Сиама было учреждено консульство Англии. В письме к французскому послу в Лондоне Виктору де Пессиньи от 10 августа 1855 г. Валевски выражал свою досаду

по поводу медлительности французских властей: «Признаться, мне очень жаль, что французские и английские представители в Китае не смогли договориться о встрече в Бангкоке, чтобы провести двусторонние переговоры и заключить необходимые соглашения» [3, р. 158].

10 октября 1855 г. граф Валевски назначил уполномоченным по делам французо-сиамских переговоров Шарля де Монтиньи — в то время консула Франции в Шанхае, — обойдя, таким образом, Лягерра и Бурбулона. Получив необходимые инструкции, 30 декабря 1855 г. де Монтиньи выехал из Парижа. Наполеон III распорядился, чтобы на пути в Сиам французский уполномоченный посетил Рим, где ему надлежало получить подробные указания от представителей римско-католической церкви. По прибытии Монтиньи в Сингапур французский консул Готье вручил тому депешу от Валевски, в которой Монтиньи предоставлялись также полномочия для заключения договоров с сюзеренами Кохинхины и Камбоджи.

После продолжительной остановки в Сингапуре Монтиньи наконец прибыл в Сиам в сопровождении кораблей «Каприсьёз» («Capricieuse»), «Катина» («Catinat») и «Марсо» («Marceau»). 9 июля 1856 г. он и его переводчики были приняты королем Сиам Монгкутом. 15 августа 1856 г. между Францией и Сиамом был подписан Договор о дружбе и торговом сотрудничестве, по условиям которого французские коммерсанты на сиамской земле получали значительные привилегии. Документ был составлен по образцу англо-сиамского договора и подписан королем Монгкутом и Монтиньи.

Благодаря данному соглашению французо-сиамские торговые связи вышли на новый уровень. В результате многочисленных французо-сиамских коммерческих операций во французские порты — Нант, Марсель, Бордо — прибывало все больше торговых кораблей из Сиам, а сами эти города наводнились служащими и агентами Ротшильда и Дорлинкура. Ввоз экзотических товаров из Сиам во Францию привел к снижению цен на эти товары на европейском рынке, и таким образом Сиам стал принимать участие в европейском товарообороте. Монтиньи в письме к графу Валевски 27 апреля 1857 г. подчеркивал: «Экспорт сиамских и лаосских продуктов из Сиам во Францию... станет источником хорошей прибыли... и значительно поспособствует росту импорта французских товаров в Сиам» [3, р. 159]. Договор 1856 г. мог бы стать началом эры дружественных французо-сиамских отношений. Но расцвет оказался недолгим, и в скором будущем недоразумения и разногласия не замедлили дать о себе знать.

В 1858 г. начался колониальный захват Вьетнама французскими войсками. В 1862 г. под властью Франции оказались три восточных провинции Кохинхины, а в 1867 г. — три западных; северная и центральная части страны составили французский протекторат, вместе с Лаосом и Камбоджей образовав Французский Индокитай. Во французские колониальные планы входило стремление отыскать северный путь из Индокитая в Китай или хотя бы освоить западный путь через Юго-Восточную Азию. С этой целью в долине реки Меконг французами проводились научные экспедиции (экспедиция Гарнье-Лагре 1866–1867 гг.). Один из представителей французских колониальных властей прямо заявил: «Желание наше заключается в том, чтобы воплотить самые смелые наши надежды — распространить французское влияние от Гуаньдуна и Юньнана до Бангкока». Французы также ввели в оборот другую западную концепцию, а именно, что права Франции на данные территории обосно-

ваны исторически. Они принялись искать документальные свидетельства о том, что Вьетнам (и, следовательно, его правопреемник, Франция) имеет больше прав на территории, простирающиеся между Ханоем и Сайгоном и Бангкоком [6, p. 59].

В 1891 г. министр иностранных дел Франции А. Рибо заявил в палате депутатов: «...все страны, лежащие к востоку от реки Меконг, от того места, где он покидает пределы Китая, должны принадлежать Франции» [7, с. 49]. В том же году генерал-губернатором французского Индокитая стал Ж. де Ланнесан. Усиливая политику освоения лаосских земель, в начале 1892 г. Франция преобразовала вице-консульство в Луанг Прабанге в торговое агентство и открыла другие агентства на лаосских территориях [8, с. 163].

В феврале 1892 г. французским послом в Сиаме был назначен О. Пави, убежденный сторонник французской экспансионистской политики в Индокитае. В марте 1893 г. Пави потребовал удаления сиамских военных гарнизонов с левого берега Меконга к югу от Кхаммуана, заявив, что эта территория является вьетнамской. Так левый берег реки Меконг стал предметом ожесточенных французо-сиамских споров.

В начале 1890-х годов во Франции крепнет колониальное движение, известное под названием *parti colonial*. Его участники — парижские дельцы, журналисты, действительные или бывшие представители колониальных властей, военные, чиновники, принадлежавшие самым разным политическим кругам — верили в созидательность колониальной политики в принципе. Наиболее влиятельные и активные участники этого движения позднее образовали комитет по Французской Африке (*Comité de l'Afrique Française*, 1891), колониальное общество в Палате депутатов (*groupe colonial*, 1892), Колониальный союз (*Union Coloniale*, 1893) и Комитет по Французской Азии (*Comité de l'Asie Française*, 1901) [9, p. 99]. В конце концов «Партия колониалистов во Франции громко и открыто провозгласила, что для экономического процветания французского Индокитая существенное значение имеет господство над бассейном Менама» [7, p. 57].

В апреле 1893 г. Ланессан отправил в данный район три военных отряда. Восемь сиамских гарнизонов отступило перед центральным отрядом, однако продвижение северной и южной частей замедлилось из-за сиамского сопротивления. Великобритания, со своей стороны, направила к Бангкоку три военных корабля — на случай, если возникнет необходимость в эвакуации британских граждан. В данном случае сиамцы надеялись на свою неплохо вооруженную армию, а также рассчитывали сыграть на политических разногласиях между Англией и Францией. Однако англичане были в ту пору заняты северными территориями, средоточием сиамских, китайских и бирманских интересов, и ситуация обернулась известной метафорой — «французский волк» грозно поглядывал на «сиамского ягненка». В июле 1893 г. Франция направила к Бангкоку шлюп «Анконстан» («*Inconstant*») и канонерку «Комэт» («*Comète*»). Форт Пакнам попытался обстрелять их, но корабли открыли ответный огонь и прорвались по реке Менам Чао Прая к столице Сиам. Французские орудия были направлены на королевский дворец. Уполномоченный королем Сиам Чулалонгкорном⁴ принц Девавонг прибыл на шлюпке к французской канонерке и, поднявшись на борт, провел переговоры с капитаном. Конфликт удалось потушить

⁴ Король Сиам Рама V Чулалонгкорн, годы правления 1868–1910.

лишь на время, и уже 20 июля французы предложили ультиматум, требуя передачи им спорных территорий, вывода оттуда сиамских войск, выплаты двух миллионов франков репараций за бой у Пакнама и наказания ответственных за гибель французов на спорных землях.

В связи с тем, что Сиам не принял ультиматум немедленно и отказывался удовлетворить требования Франции по пункту, в котором говорилось о правах Камбоджи и Вьетнама (т. е. Франции) на левый берег Меконга, французские корабли начали блокаду сиамского побережья. В дополнение к выдвинутым ранее условиям французы потребовали временной оккупации провинции Чонбури, а также демилитаризации провинций Баттамбанг и Сеамреап и 25-километровой зоны по западному берегу Меконга. О камбоджийских провинциях французы мечтали давно. В 1863 г. губернатор Кохинхины Луи Адольф Бонар описывал их как богатейшие: «Эти провинции — буквально золотая жила... там выращивают много риса, производится прекрасная древесина; там же находятся рудники, без сомнения лучшие в Кохинхине, Сиаме и Камбодже. Наконец, наряду с отменного качества пенькой, есть немало рыбы, которую можно вылавливать в количестве от 60–80 тысяч тонн в год — при том что недостаток ее в местных водах даже не будет замечен» [9, р. 29].

3 октября 1893 г. между Францией и Сиамом был подписан договор, согласно которому территории левого берега Меконга переходили под протекторат Франции: «Все сиамские военные сооружения на левом берегу Меконга, а также на территориях провинций Баттамбанг и Сеамреап и в зоне 25-километровой полосы по правому берегу Меконга сносились. Правый берег Меконга объявлялся демилитаризованной зоной. Франция учреждала консульства в городах Након-Рачасима и Нан» [7, с. 53]. 25 ноября 1893 г. между Великобританией и Францией было достигнуто соглашение об образовании смешанной англо-французской комиссии, которая должна была установить границы между английскими владениями в Бирме и французскими владениями в Индокитае [8, с. 164].

Теофиль Делькассе, министр иностранных дел Франции в 1898–1905 гг., констатировал: «Это неумолимый закон прогресса. Слабым народам не остается ничего иного, кроме как подчиниться государствам более энергичным и цивилизованным» [9, р. 239]. По всей видимости, способность Сиам к модернизации до последнего не признавалась французскими колониалистами, раз они категорически отрицали конструктивность реформ, проводимых в Сиаме в период правления королей Монгкута и Чулалонгкорна. Несмотря на то что решительно все указывало на обратное, французы настаивали на своем представлении о Сиаме как о стране, нуждающейся, по их мнению, в неоспоримых преимуществах колониального влияния. Даже в 1904 г. французский дипломат Франсуа Делонкль писал о Сиаме как о «полудиком» государстве с продажным королевским двором и процветающим рабством» [8, р. 240]. Жюль Арман, врач, работавший в долине реки Меконг и отличавшийся хорошим знанием местных обычаев, будучи консулом Франции в Сиаме в 1881–1883 гг., «в своем дневнике отзывался о Сиаме как о “полуварварской нации”, упадочной, плохо управляемой, не динамичной и не развивающейся. Он полагал, что траты сиамской казны на иностранных советников и современную систему коммуникаций являются не средствами успешного осуществления стратегии модернизации, но пустым подражанием западным традициям. Он характеризовал сиамское чиновничество как коррумпированное, праздное и не способное к проведению реформ. <...> Строи-

тельство нового королевского дворца, например, по подсчетам и мнению Армана, обошлось казне в четыре раза дороже, нежели было необходимо; притом, подчеркивает он, король не в состоянии регулярно выплачивать жалование своим солдатам и служащим» [9, р. 49]. Такие настроения подогревались уверенностью, что внутренний разлад в сиамском обществе может привести к достижению известных целей в интересах французского неоимпериализма.

15 января 1896 г. между Великобританией и Францией в Лондоне была подписана специальная декларация о Сиаме. Не поставив в известность сиамское правительство и министерство иностранных дел, представители английской и французской сторон (министр иностранных дел Великобритании Солсбери и посол Франции де Курсель) разделили Сиам на так называемые «зоны влияния»: западная часть, примыкавшая к Бирме, была объявлена английской, а восточная часть — французской. Колониальные власти французского Индокитая оккупировали провинции Сеамре-ап и Баттамбанг, ранее относившиеся к Сиаму, и заняли порт Чантабун. Фактически Королевство было превращено в буфер между колониальными владениями Франции и Великобритании.

Альбер Дефранс, французский представитель в Бангкоке в 1895–1907 гг., под-разумевая, что покушения Франции на центральный Сиам невозможны без предварительного согласия со стороны Великобритании, назвал Сиам «неприкасаемым» [9, р. 169]. Принятая декларация способствовала тому, что Сиам стал решительнее сопротивляться французским притязаниям, так как появилась возможность рассчитывать на британскую поддержку: «Сиам мог расценивать французо-английское соглашение как успешный британский гамбит для защиты сиамской независимости от французских покушений. Потому в сторону Англии смотрели благосклонно, а в сторону Франции — с недоверием. Поощрялись английские советники и дипломаты. Можно было заключить, что Декларация не только гарантировала свободу Си-ама, но и нарушила баланс европейского экономического влияния в Сиаме в пользу Великобритании. Трения между французскими и английскими колониалистами усугубились из-за событий в Африке (Фашодский кризис в 1891 г.) и заметного усиления британского влияния в Египте. Начало англо-бурской войны в 1899 г. лишь усилило этот антагонизм, позволив французам надеяться на то, что британцы станут более уязвимыми и дипломатический торг по Сиаму можно будет продолжить» [9, р. 169–170].

Кроме того, Франция существенно проигрывала Англии в сфере экономического влияния в Сиаме. Когда сиамское руководство приняло решение развивать современную систему путей сообщений, то с самого начала взоры были обращены именно к Великобритании. В 1870 г., благодаря пароходному сообщению между Сингапуром и Бангкоком, исправно заработала почта, а в 1872 г. между Бангкоком и Рангуном была проведена телеграфная линия. В том же году начались переговоры по проведению телеграфа между Бангкоком и Пинангом, и немногим позже эта идея была осуществлена британскими подрядчиками на средства сиамской казны. В 1877 г. адмирал-губернатор Дюперре предложил было провести телеграф между Бангкоком и Пномпенем, но сиамская сторона отложила принятие окончательного решения до 1882 г., отдав предпочтение установлению телеграфного сообщения между Бангкоком и Тавоєм в британской Бирме [9, р. 46]. В 1895 г., по заявлению английского вице-консула Дж. Блэка, «Торговое товарищество Бомбей-Бирма» («Bombay-Burma

Trading Corporation») и «Борнео Компани» («Borneo Company») инвестировали более одного миллиона стерлингов в сиамскую торговлю тиковым деревом. По ходатайству, одобренному британским министерством иностранных дел, сапфиры и рубины фирмы «Siam Ltd» были капитализированы в 300 000 фунтов. Британцы также контролировали два главных банка в Сиаме — агентства Гонконга и Шанхая и «Чартед Бэнкс» («Chartered Banks»), основанные в 1888 и 1894 гг. [9, p. 175].

Несмотря на поэтапное введение протекционистского Тарифа Женераль (General Tariff) в 1887–1892 гг. и учреждение филиала Индокитайского Банка (Banque de l'Indochine) в 1897 г., экономическое присутствие Франции в Сиаме в середине 90-х годов XIX в. сложно было назвать вполне убедительным. В конце 1890-х годов большая часть французской торговли по-прежнему была сосредоточена в Гонконге и Сингапуре. «По официальным статистическим данным, французское влияние во внешней торговле Сиам в 1890-е годы можно было оценить чуть более чем в 2% — притом что внешняя торговля осуществлялась в основном через Бангкок. Торговля Французской Кохинхины и Камбоджи с Сиамом через Баттамбанг, Сеамреап и Лаос по показателям существенно отставала от уровня торговли Сиамом с Великобританией. Приняв к сведению информацию, усердно отобранную в провинции Баттамбанг немецким купцом Расселем, вице-консул Блэк заявил, что в 1895 г. торговля Сеамреапа и Баттамбанга с Французской Кохинхиной составила 40 193 фунтов экспорта и 36 843 фунтов импорта, тогда как французские данные указывают, что в 1905 г. показатели по Лаосу свелись к 29 273 фунтов экспорта и 71 535 фунтов импорта, причем большую часть импорта составили британские и немецкие товары, закупаемые в Бангкоке. По французским инвестициям в экономику центрального Сиам в середине 1890-х годов данных нет, однако в 1903 г. французское консульство в Бангкоке сообщило, что отечественные вложения в сиамскую экономику, включая займы Индокитайского банка, приблизились лишь к 110 236 фунтов (2,8 млн франков)» [9, p. 175–176].

В 1897 и 1907 гг., с целью укрепить международное положение Сиам, король-реформатор Рама V Чулалонгкорн побывал в Европе с масштабным турне, посетив Англию, Францию, Данию, Швецию, Бельгию, Италию, Австрию, Венгрию, Испанию, Нидерланды, Монако, Португалию, Россию, Швейцарию, Германию и Египет. Во время пребывания Чулалонгкорна в России в 1897 г. российская дипломатия, располагавшая тогда существенным влиянием на внешнеполитический курс Франции, совершила ряд шагов, чтобы убедить французскую сторону «в полезности хороших отношений с Сиамом» [10, с. 54]. Когда в октябре 1897 г. король Чулалонгкорн прибыл во Францию с официальным визитом, симпатии французского общества были на сиамской стороне, о чем можно судить по публикациям французской прессы того времени. Еще в период обострения французо-сиамских отношений в 1893 г. Россия оказала дипломатическую поддержку Сиаму (между королем Чулалонгкорном и императором Александром III состоялся обмен телеграммами по французо-сиамскому вопросу).

После того, как Сиам принял помощь Российской империи и между двумя странами завязались и укрепились дипломатические отношения, а в Сиаме начал работать российский посланник А. Е. Оларовский, вектор сиамской внешней политики принял новое направление: «С момента прибытия в Бангкок Оларовский пользовался при сиамском дворе огромным расположением. Стремление Чулалонгкорна

обратить дипломатическое вмешательство России во французо-сиамские дела на пользу Сиаму принесло неплохой результат. Оларовскому уделялось больше внимания, нежели другим дипломатам, он чаще встречался с королем, а русская миссия находилась в непосредственной близости от королевского дворца. Политика Оларовского сводилась к тому, чтобы способствовать росту популярности России при королевском дворе, в противовес пробританским настроениям сиамского министра иностранных дел принца Деваонга. Главная же цель Оларовского заключалась в том, чтобы уменьшить британское влияние в Сиаме. 13 августа 1898 г. он обратился к министерству иностранных дел Российской империи: «После устройства французо-сиамских дел и укрепления независимости Сиам, нам следует потеснить здесь британское влияние и заменить английских советников на русских». По мнению Оларовского, такой подход мог бы предоставить России дипломатические преимущества, главным из которых было, пусть бы и косвенное, но все-таки влияние на ближайшие британские владения — Бирму и Малайю» [9, р. 197].

Таким образом, не принимая пропаганду католической религии, прибегая к разумной дипломатии в разрешении французо-сиамского конфликта, реформированный и модернизированный Сиам стал единственной страной в Юго-Восточной Азии, которой удалось избежать участи колонии какой-либо из европейских держав. Будучи объектом настойчивой колониальной экспансии со стороны Франции, Сиам освободился от положения «страны-жертвы» с помощью эффективного проведения государственных реформ и обращения за поддержкой к могущественному союзнику — Российской империи. Это произошло и благодаря конструктивному использованию опыта французо-сиамских отношений XVII в., памятного руководству страны и сиамскому народу и ставшего для Королевства Сиам своеобразной «исторической прививкой» против европейской, и в частности французской, колонизации.

Литература

1. Costet R. Pays de mission. La Thaïlande et le Laos. URL: <http://www.mepasie.org/rubriques/haut/pays-de-mission/la-thaïlande-et-le-laos/> (дата обращения: 01.03.2013).
2. Smithies M., Bressan L. Siam and the Vatican in the seventeenth century. Bangkok: River Books, 2001. 146 p.
3. Fabre S. Le Siam dans l'opinion française de 1815–1868. Chiangrai: Mae Fah Luang University, 2005. 174 p.
4. Pallegoix J.-B. Description du Royaume Thaï ou Siam. Paris: au profit de la mission de Siam, 1854. Tome premier. 518 p. URL: <http://archive.org/stream/descriptionduroy00pallgoog#page/n7/mode/2up> (дата обращения: 15.04.2013).
5. Gréhan A. Le Royaume de Siam. Paris: S. Raçon, 1868. 100 p. URL: <http://archive.org/stream/leroyaumedesiam02grgoog#page/n9/mode/2up> (дата обращения: 16.04.2013).
6. Baker Ch. Phongpaichit Pasuk. A history of Thailand. 2nd ed. Cambridge University Press, 2009. 334 p.
7. Мельниченко Б. Н., Пылева А. И. Россия — Таиланд: история взаимоотношений (XIX — начало XXI века). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2011.
8. История Востока. Восток в Новое время (конец XVIII — начало XX в.) Том 4. Книга 2 / отв. ред. Л. Б. Алаев и др. М.: «Восточная литература» РАН, 2005. 574 с.
9. Tuck P. The French wolf and the Siamese lamb. The French threat to Siamese independence, 1858–1907. Bangkok: White Lotus, 1995. 434 p.
10. От друга. Стодесятилетие установления тайландско-российских отношений. Посольство Королевства Таиланд в России, 2007. 219 с.

Статья поступила в редакцию 23 апреля 2013 г.